

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователями неоднократно предпринимались попытки выделить в елшанской культуре этапы развития. Одной из первых является концепция И.Б. Васильева и А. А. Выборнова¹. В первый елшанский тип ими была выделена керамика, находящая наиболее близкие параллели в материалах Средней Азии – S-видная форма венчика, слабая орнаментированность, остродонность, сверленные отверстия в стенках сосудов и др. На втором этапе своего существования елшанская керамическая традиция испытала влияние со стороны Нижней Волги (тип Красный Городок, Луговое III), что выразилось в возникновении «существенных отличий – плоскодонность, наличие примеси толченой раковины, ямочно-жемчужные пояски, прочерченный орнамент»².

Осторожную попытку разделить елшанский комплекс стоянки Ивановка предприняла Н. Л. Моргунова³. Сосуды были подразделены на два типа по форме верхних частей. Для профилированных венчиков характерны насечки по срезу, орнаментация и редкое использование «жемчужного» пояска. Для прямых венчиков не характерна орнаментация среза и орнаментация вообще, но более широкое распространение получила традиция нанесения «жемчужин».

Попытку членения елшанской культуры на этапы предпринял А.Е. Мамонов⁴. Согласно мнению данного исследователя к первому елшанскому типу возможно относить керамику со следующими характеристиками: S-видная форма венчика, наличие двух типов днищ, орнамент в виде ямочно-жемчужного пояска, прочерченных линий, разряженных наколов, либо коротких изогнутых насечек, мотивы в виде ромбической сетки, наклонных, горизонтальных рядов или зигзага, орнаментация срезов венчиков. На втором этапе развития культуры под влиянием населения Нижней Волги появляются орнаменты нанесенные мелким гребенчатым штампом и наколами в строчку. Ко второму типу А.Е. Мамонов относил стоянки Ильинка, Лебяжинка IV, Красный Яр VII и «некоторые другие».

Еще одна попытка членения елшанской культуры на этапы принадлежит А.В. Вискалину⁵. К первому этапу относятся стоянки Чекалино IV – Нижняя Орлянка II, однотипные материалы отмечены на большинстве елшанских памятников. Отличительной чертой первого этапа является преобладание острых и округлых днищ, орнаментация более половины сосудов, украшение трети и более сосудов «жемчужным» пояском, наиболее распространенными узорами являются двойные прочерченные зигзаги-ленты, в том числе с точечным заполнением, треугольники из точек. Ко второму этапу относится памятник Усть-Ташелка, керамика данного типа по многим признакам близка предыдущему. Различия проявляются только в уменьшении доли

профилированных и возрастания – бомбовидных сосудов, господстве плоских днищ, увеличении до трети венчиков с утолщениями-наплывами, появляется более отчетливая биконичность, не характерным становится «жемчужный» поясок. К третьему этапу относится памятник Луговое III и, главным образом, материалы Ульяновского Поволжья. Их отличительная черта – доминирующая плоскодонность, большой процент неорнаментированной посуды, укрупнение форм сосудов, увеличивается почти в три раза число сосудов с «жемчужным» пояском и гофрировкой среза (до 80%), появляются скошенные венчики и небрежность в орнаментации, более разнообразными становятся наколы и получает распространение короткий изогнутый зубчатый штамп.

На наш взгляд в первых двух схемах развития елшанской керамической традиции содержится ряд дискуссионных моментов. Во-первых, это касается деления культуры на этапы по принципу остродонность-плоскодонность, почти на всех памятниках можно наблюдать сосуществование плоских и острых днищ. Сочетание острого дна обнаруживается, по реконструируемым сосудам, как с прямыми, так и с S-видными венчиками, при этом сосуды имеют различную систему орнаментации. В частности, на стоянке Усть-Ташелка обнаружены только плоские днища (12 шт.) примерно от 25 сосудов при конструировании которых использовалась традиция изготовления профилированных и не профилированных шеек, с различными формами среза. Аналогичную ситуацию демонстрируют материалы стоянки Нижняя Орлянка II, где обнаружены только острые днища, но при этом венчики сосудов демонстрируют разнообразие форм. Таким образом, можно констатировать отсутствие устойчивой связи между формой шейки сосуда и его дном, а также формой сосуда и этими двумя признаками.

Материалы стоянки Нижняя Орлянка II свидетельствуют о невозможности соотнесения размера сосуда с определенной традицией оформления его дна, так как на памятнике представлены сосуды различных пропорций, диаметр венчика которых колеблется в пределах 10-28 см, при этом, как отмечалось ранее, на памятнике обнаружены только острые днища. В то же время на стоянке Виловатое обнаружены плоские днища небольших размеров от маленьких сосудов, хотя из-за смешанности комплекса трудно говорить об их бесспорном отношении к елшанской культуре, но по ряду признаков они ей близки. Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении коллекции стоянки Усть-Ташелка. Не представляется возможным выделить устойчивые связи между формой дна и другими конструктивными и декоративными элементами сосудов, в связи с фрагментарностью материала, а плоскодонность или остродонность сами по себе

не являются надежными критериями периодизации.

Во-вторых, не прослеживается устойчивого сочетания между такими признаками, как форма среза венчика, форма шейки, наличие «жемчужного» пояса, который представлен как на профилированных, так и прямых венчиках, да и в целом для культуры характерно господство прямых венчиков. «Жемчужный» пояс может присутствовать как на полностью неорнаментированных сосудах, так и на сосудах, имеющих довольно сложную систему орнаментации. Не прослеживается устойчивых сочетаний между формой венчика и орнаментацией сосуда (или ее отсутствием), между различными элементами и мотивами орнамента. Наиболее рельефно это проступает при рассмотрении сосудов, украшенных таким сквозным елшанским мотивом орнамента, как прочерченные линии с точечным заполнением. Данный мотив применяется как с нанесением «жемчужных» поясов, так и без них, представлен на венчиках, как профилированных сосудов, так и не профилированных. Аналогичная ситуация характерна для мотивов косой решетки и всяких треугольников.

Из недостатков схемы А.Е. Мамонова стоит отметить, что исследователь выделяет в последний этап развития культуры памятники, содержащие смешанные комплексы, происхождение которых может быть связано с заселением стоянок елшанской культуры носителями средневожской культурной традиции, зародившейся при непосредственном участии елшанского населения и получившей распространение в развитом и позднем неолите Самарского Поволжья. С данным обстоятельством вполне может быть связано присутствие в коллекциях сосудов как с елшанскими, так и средневожскими чертами.

В концепции А.В. Вискалина, помимо уже отмеченного недостатка о делении елшанской культуры на этапы по форме дна, есть ряд других. Во-первых, это выделение второго и третьего этапов на основе материалов единичных памятников, аналогии которым находятся в смешанных елшанских коллекциях других стоянок, содержащих материалы всех этапов развития культуры по А.В. Вискалину. Во-вторых, это вызывающие недоумение зигзаги процента сосудов с «жемчужным» пояском, который не может так колебаться в рамках последовательных этапов развития одной культуры. В-третьих, выделение второго этапа развития культуры на основании материалов стоянки Усть-Ташелка, отнесение всего комплекса которой к елшанской культуре, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации.

Типологическое деление елшанской культуры затруднено в связи с фрагментарностью и ограниченностью материала, что не позволяет делить коллекции на этапы по сложным признакам. К категории сложных признаков, на наш взгляд, можно отнести: форму сосудов, мотивы и композиции орнамента, изменение которых характеризует переход культуры от одного этапа развития к другому. О

форме елшанских сосудов мы можем судить лишь по пятнадцати сохранившимся в развалах экземплярам, чего явно не достаточно для достижения поставленной цели. О композициях орнамента на елшанской керамике известно еще меньше. Что касается мотивов орнамента, то среди них можно выделить всего три сложных (косая решетка, горизонтальный зигзаг, всякие треугольники), которые представлены на памятниках единично и не имеют устойчивого сочетания с определенной традицией оформления венчика или дна сосуда. Кроме того, не удастся проследить устойчивых сочетаний в целом между конструктивными элементами и декоративными.

Таким образом, на сегодняшний день, привлекая только керамические коллекции памятников, не представляется возможным выстроить бесспорную периодизацию развития культуры. Елшанская культура выглядит монолитным образованием, характеристика керамического комплекса которого может быть дана только суммарно. Для уточнения ее внутренней периодизации необходимы расширение источниковой базы, поиск и исследование стоянок, имеющих четкую стратиграфию и «чистые» елшанские слои.

Внести ясность в вопрос периодизации культуры могли бы радиоуглеродные определения, большой массив которых был получен в конце 1990-х - начале 2000-х годов. Однако хронология елшанской культуры на данный момент выглядит весьма запутанной, хотя рядом исследователей, с опорой на радиоуглеродные даты, предпринимались попытки наметить этапы ее развития, которые, на наш взгляд, нельзя признать успешными.

По мнению А.А. Выборнова⁶ елшанская керамическая традиция появляется в Среднем Поволжье в начале VI тыс. до н.э. и фиксируется на Ивановской стоянке (7930±90, 7780±90, 7680±90). Эти датировки согласуются с ранее полученной датой по кости (8020±90), возможным источником ее происхождения выступает Анатолия (XXXIII слой Мерсина). При этом исследователем не принимаются в расчет ранее полученные, по образцам раковин, даты со стоянок Чекалино IV, Лебяжинка IV⁷ и Ильинка (первая половина VII – начало VI тыс. до н.э.). Керамика второго елшанского типа – плоскодонная – согласно датировке стоянки Усть-Ташелка появляется во второй четверти VI тыс. до н.э. под влиянием нижневожского населения (7810±190, 7680±190), однако в последних работах автор не использует данной гипотезы. Заключительный этап существования елшанской культуры связан с керамикой памятников Ильинка, Старая Елшанка II, Озименки II (6950-6820), испытавшей влияние со стороны Средней Азии. Они существуют практически одновременно с керамикой луговского типа, которая представлена на большом количестве памятников Среднего Поволжья (6820-6470). В одной из работ А.А. Выборнов также приводит радиоуглеродные данные по стоянкам Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Лебяжинка IV, которые относят время бытования

данных памятников к концу V – началу IV тыс. до н.э. (5630–6180) и синхронизируются с датами, полученными для пещерной стоянки Джебел в Восточном Прикаспии.

В целом близкая обозначенной выше схема развития елшанской культуры была предложена А.В. Вискалиным⁸. Однако автор в своих хронологических построениях использует весь массив радиоуглеродных определений известных для елшанской культуры, в том числе по ракушке, которые ранее им критиковались⁹. Ранний этап представлен памятниками Ивановка и Чекалино IV, он относится к первой четверти VI тыс. до н.э., чуть позже – во второй четверти VI тыс. до н.э. появляется стоянка Усть-Ташелка. В середине VI тыс. до н.э. развитие елшанской культуры обрывается. Но вновь возобновляется с начала V тыс. до н.э. и продолжается до начала IV тыс. до н.э., в то же время со второй четверти V тыс. до н.э. получают распространение памятники луговского типа.

Можно констатировать, что радиоуглеродная хронология, несмотря на большое количество дат, на данный момент не способствует уточнению периодизации елшанской культуры. Между ранними (по C¹⁴) памятниками елшанской культуры – Ивановка (а также Усть-Ташелка и Чекалино IV, по А.В. Вискалину) и остальными существует хронологический разрыв в 500–1500 радиоуглеродных лет. Данное обстоятельство «растягивает» время существования культуры более чем на 2000 лет, что является маловероятным.

В результате активного радиоуглеродного датирования первого десятилетия XXI века произошло значительное «омоложение» датировок, полученных в конце 90-х годов для елшанских стоянок по раковинам, что интерпретировалось специалистами как результат «резервуарного эффекта». При этом не произошло «омоложения» возраста Ивановской стоянки. Данное обстоятельство создает ситуацию искусственной оторванности комплекса Ивановской стоянки от комплексов стоянок Чекалино IV, Нижняя Орлянка II и Старая Елшанка II, материалы которых обладают высокой технико-типологической близостью и до появления радиоуглеродных определений рассматривались исследователями как синхронные.

Необходимо отметить, что датировки одних и тех же комплексов серьезно различаются. В частности, это касается стоянки Усть-Ташелка, где разрыв между первой парой дат (7810±190, 7680±190) и второй (6670±90, 6580±90) составляет порядка 1000 лет, хотя в обоих случаях датируемым материалом являлась керамика. Аналогичная ситуация наблюдается относительно стоянки Чекалино IV – первая серия дат по раковинам, если опустить наиболее древние, плотно ложится в интервал 7940–8050 лет назад, а вторая, полученная по тем же раковинам, моложе почти на 2000 лет (6100±40, 6180±90). Причем датировки керамики (5870±80, 5910±90) в целом соответствуют датам, полученным по раковинам, что ставит под сомнение объективность такого крите-

рия как «резервуарный эффект». Даты вмещающей материал почвы (6030±100, 6070±90) также согласуются с предыдущими двумя парами дат, но противоречат данным палинологических исследований на стоянке, согласно которым время формирования почвы, содержащей елшанский культурный слой, относится к рубежу бореального и атлантического периодов (8200–7900 л.н.)¹⁰.

Немаловажным обстоятельством является и то, что в связи с ограниченностью материалов елшанской культуры для датирования зачастую используется малоинформативная категория керамического материала (неорнаментированные стенки, а не фрагменты, «создающие лицо культуры»), бесспорную принадлежность которых именно к елшанским комплексам, а не более поздним неолитическим, доказать достаточно проблематично. Большое количество новых радиоуглеродных определений не вносят ясности в вопрос о хронологии елшанской культуры, так как не находят отражения в ее типологии. На данный момент создается впечатление оторванного существования радиоуглеродных датировок от конкретно-исторического материала.

Справедливости ради стоит отметить, что представленные противоречия осознаются большинством специалистов и продолжается работа по перепроверке полученных ранее дат. В последнее время стали известными новые радиоуглеродные определения елшанской керамики, полученные в разных лабораториях, которые укладываются в VI тыс. до н.э. Они хорошо согласуются с датами, полученными по раковине и отчасти киевскими датами по керамике. На наш взгляд, они наиболее адекватно отражают время существования елшанской культуры, но пока не могут способствовать уточнению ее периодизации. Работа по дополнительному датированию елшанских комплексов продолжается и в дальнейшем может способствовать построению более стройной периодизации культуры.

Примечания:

¹ См.: Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988. С. 24–25; Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 86; Выборнов А.А. Проблемы изучения неолита лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2002. С. 54–55; Выборнов А.А. Неолит Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. 15. Самара, 2010. С. 24–25.

² Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988. С. 25.

³ См.: Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 107; Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи

Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. С. 15.

⁴ См.: Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Поволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 99; Мамонов А.Е. О культурном статусе елианских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999. С. 40-41; Мамонов А.Е. Елианская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 160; Мамонов А.Е. Хронологический аспект изучения елианской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д.и.н. Н.Н. Гуриной. Санкт-Петербург, 2000. С. 51-52; Мамонов А.Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара, 2002. С. 154-156; Мамонов А.Е. Елианская культура: проблемы изучения и хронологический аспект // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии и этнографии». Самара, 2006. С. 274-275.

⁵ Вискалин А.В. К вопросу о датировке раннеолитической керамики елианского типа // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том 1. Тверь, 2006. С. 260-264.

⁶ См.: Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. С. 128-139; Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбонной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 58-65; Выборнов А.А. О хронологии раннего неолита лесостепного Поволжья // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: материалы международной научной конференции. Самара, 17-18 июня 2011. Самара, 2011. С. 37-39.

⁷ Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А. Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы // РА. 1999. № 3. С. 14-15.

⁸ Вискалин А.В. Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи // Человек и древность: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). М., 2010. С. 228-233.

⁹ Вискалин А.В. К вопросу о датировке раннеолитической керамики елианского типа // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том 1. Тверь, 2006. С. 260-264.

¹⁰ Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1. С. 23-25; Мамонов А.Е. Елианский комплекс стоянки Чекалино IV. // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 23.